

УДК 82

ОБРАЗ ГОРОДА В ПОВЕСТИ М. ГОРЬКОГО «ФОМА ГОРДЕЕВ»

© 2008 г.

Н.Ю. Толмачева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

vestnik@unn.ru

Поступила в редакцию 18.07.2008

Освещена проблема изображения родного города писателя в его первой ранней повести, рассмотрены составляющие хронотопа Нижнего Новгорода, проанализировано художественное пространство города, а также средства создания образа.

Ключевые слова: город, художественное пространство, купечество, «хозяева города», тема труда, Волга, пристань, пейзаж.

Тема города — одна из ведущих в творчестве Максима Горького. Проблема городского пространства в произведениях писателя еще недостаточно изучена и представляет большой интерес. Как урбанист Горький заявил о себе в самом начале творческого пути, в 1896 году, будучи корреспондентом двух крупных газет в период XVI Всероссийской выставки. В дальнейшем талант урбаниста проявился в его первой ранней повести «Фома Гордеев» (1899). Нижний Новгород отображен в ней опосредованно.

Действие повести происходит на Волге, которая показана почти во все времена года: в момент весеннего разлива, в погожие и ненастные летние дни и серой дождливой осенью.

Место действия меняется на протяжении повести. В разное время пароход Гордеевых прибывает в Казань, Астрахань, Пермь. Основные события повести разворачиваются в безымянном городе, в котором узнается родина писателя, Нижний Новгород. Горький умышленно не называет место, где живут главные герои. Видимо, цель его состояла в том, чтобы создать обобщенный образ типичного волжского купеческого города конца XIX столетия.

Образ города в «Фоме Гордееве» является сквозным, проходит через всю повесть. Около двадцати раз обозначен этот образ в произведении. Многообразны его составляющие: дома Гордеевых и Маякиных, салон Медынской, рестораны, трактиры, биржа. Художественное пространство повести наполнено различными событиями обыденной жизни волгарей.

Главные персонажи повести — преуспевающие волжские купцы, они же — хозяева города. «Больше всего знаний о хозяевах жизни дал мне 96 год, — признается Горький в «Беседах о ре-

месле» [1, с. 317]. В этой же работе писатель образно охарактеризовал представший перед ним купеческий Нижний конца XIX века: «Дома — каменные, люди — железные» [1, с. 298]. Сама окружающая действительность подсказывала Горькому сюжет и образы. Разбогатевшие нижегородские купцы, владельцы заводов, фабрик, пароходов, банков быстрыми темпами приобретали миллионные состояния. По словам писателя, «фабриканты, судостроители, торговцы, еще вчера бесправные, смело занимали в жизни место рядом с дворянством и... садились за один стол со своими владыками» [2, с. 474]. Характеризуя социальные слои городского населения тех лет, Горький отметил, что подавляющим большинством было «племя мещан, проклятое племя «нормальных»; в среде его рождаются «железные» люди, они заседают в городской думе, стоят в церквях, ездят по улицам на собственных лошадях, шагают по городу за попами во время «крестных ходов» [1, с. 304].

Одним из большого ряда «железных» людей предстал в повести Игнат Гордеев — владелец барж и пароходов. В облике Игната Гордеева, по прозвищу Шалый, изображен типичный представитель купеческого сословия, прошедший путь от водолива до пароходовладельца. В доме Игната, как и во всех купеческих домах, царили в то время домостроевские порядки, на которых строились отношения в семье. Дикие побои рано свели в могилу его первую жену. Рождающихся и вскоре умирающих дочерей ему не было жаль, так как хозяин дома мечтал о наследнике. Жену он не любил, дома бывал редко, все чаще на Волге, в разъездах.

Не прижилась в его доме и вторая жена, дочь казака-старообрядца, хотя Игнат не бил ее.

И достатка хватало в доме, но никого не осчастливила его богатая обстановка: «Дом был обставлен с тяжелой, грубо хвастливой роскошью, все в нем блестело и кричало о богатстве хозяина» [3, с. 188]. Были в доме иконы, но к Богу Игнат обращался лишь по крайней нужде. Не случайно автор обращает на них внимание в эпизоде родов Натальи: «В углу комнаты, освещенные огнем лампы, смутно рисовались лики икон, безучастные и темные» [3, с. 191]. Кажется, что Бог отвернулся от этого дома, принося лишь испытания и беды его обитателям. «Наталья двигалась по просторным комнатам дома медленно и осторожно, как будто что-то невидимое стесняло свободу ее движений ... казачка ходила мимо дорогих мебели и горок, наполненных серебром, боком, пугливо, точно боялась, что эти вещи схватят ее и задавят» [3, с. 188]. И если бы Наталья не умерла во время родов, то, по всей вероятности, все равно погибла бы в этой атмосфере несвободы и произвола хозяина.

Горький подчеркнул эту невыносимую, давящую атмосферу, царящую в среде купечества, показом мира вещей, обстановки комнат дома Игната Гордеева, где вся мебель как бы кричала о богатстве и власти хозяина и подавляла своим великолепием.

За окнами этого мрачного дома шла своим чередом «шумная жизнь большого торгового города» [3, с. 188], основной тон которой задавало, как уже отмечалось, купеческое сословие. Многим купцам было свойственно стремление к политической власти, как, к примеру, другу и куму Игната Гордеева, Якову Маякину.

Маякин – купец иного склада. В нем не было широты натуры Гордеева, не было и легкомыслия в поступках, во всем у него был строгий расчет. Яков Маякин – владелец канатного завода – пользовался среди купечества славой «мозгового» человека. Помимо завода он «имел в городе у пристаней лавочку» [3, с. 195]. Все было у него организовано основательно как дома, так и на заводе и в лавке. Во всем чувствовалась крепкая рука хозяина. В лавке, «до потолка заваленной канатом, веревкой, пенькой и паклей, у него была маленькая каморка со стеклянной скрипучей дверью. В каморке стоял большой, старый, уродливый стол, перед ним – глубокое кресло, и в нем Маякин сидел целыми днями, попивая чай, читая «Московские ведомости» [3, с. 195]. Игната Гордеева, в силу его характера, трудно представить сидящим за газетой и неспешно пьющим чай.

Еще более представительным выглядел дом Маякина. Этот купец жил «в огромном двух-

этажном доме с большим палисадником, в котором пышно разрослись могучие старые липы. Густые ветви частым, темным кружевом закрывали окна, и солнце сквозь эту завесу с трудом, раздробленными лучами проникало в маленькие комнаты, тесно заставленные разнообразной мебелью и большими сундуками, отчего в комнатах всегда царил строгий полумрак» [3, с. 194].

Маякин отгородился от любопытных взглядов проходящих мимо дома горожан этими старыми деревьями. Как и у Гордеева, в его доме было много богатой мебели, а в сундуках, разумеется, приданое дочери и множество других дорогих вещей. Дом заставлен мебелью, традиционной для зажиточных купцов XIX столетия. К примеру, автор приводит обстановку комнаты, которая двумя окнами выходит в палисадник: «среди нее стоял овальный стол, его окружали старинные стулья, обитые кожей, в одном простенке висели часы в длинном ящике со стеклянной дверью, а в углу стояла горка с серебром» [3, с. 275–276].

Тут же Горький характеризует быт Маякиных: «Семья была благочестива – запах воска, ладана и лампадного масла наполнял дом, покайные вздохи, молитвенные слова носились в воздухе. Обрядности исполнялись неуклонно, с наслаждением, в них влагалась вся свободная сила обитателей дома» [3, с. 194]. Настораживает слово «неуклонно», значит, и в этой, по определению Горького, «благочестивой» семье не было никакой внутренней свободы у любого отдельно взятого человека. Действительно, все пять родственниц-приживалок «были одинаково благочестивы, безличны и подчинены... хозяйке дома» [3, с. 195]. И кажется, будто не люди, а тени населяют дом Маякина: «в сумрачной, душной и тяжелой атмосфере по комнатам почти бесшумно двигались женские фигуры, одетые в темные платья, всегда с видом душевного сокрушения на лицах и всегда в мягких туфлях на ногах» [3, с. 194–195]. Прилагательное «сумрачной» подчеркивает отсутствие солнца. А вот эпитеты «душной» и «тяжелой» в данном контексте синонимичны слову «давящей». Игнат Гордеев, забирая маленького Фому из дома Маякина, отметил: «У вас тут дух тяжелый... скучно, ровно в монастыре. Это вредно ребенку» [3, с. 198].

Таким образом, дом Маякиных также держался на домостроевских порядках.

По традиции купеческого быта вся большая семья в полдень собиралась за обеденным столом. Судя по описанию блюд, недостатком аппетита домочадцы не страдали. После обильной

трапезы все спали. Затем – «пили чай и разговаривали о городских новостях, – о певчих, дяконах, свадьбах, о ззорном поведении того или другого знакомого купца» [3, с. 197].

Сумасбродство, удаль отдельных купцов рождали легенды. Говорили в городе и об Игнате Гордееве. И все же, невзирая на ряд сумасбродных поступков, Игната в городе уважали. На деньги Игната Гордеева был построен ночлежный дом. Часто по утрам уходил он на биржу, где совершали свои сделки купцы. Вечером Игната можно было встретить в Думе или в гостях у знатных купцов. Любил Гордеев в свободное от работы время пить чай в своем саду, где и суждено ему было умереть ранним летним утром под привычный звон колоколов, которые Игнат различал по голосам, звучащим с колоколен известных ему храмов.

Яркий музыкальный образ создает впечатление огромного пространства купеческого города, устремившегося в небо куполами церквей, Богова города: «Где-то вдали густой звук колокола упал в тишину утра ...

За первым криком меди раздался второй, третий, и скоро воздух наполнили звуки благовеста, доносившиеся со всех сторон, – плавные, мерные, громко зовущие...

Поющие волны звона колебали воздух, насыщенный ими, и таяли в ясной синеве неба» [3, с. 260].

На сороковой день после смерти Игната состоялась торжественная закладка ночлежного дома. Это была настоящая церемония, которую организовал комитет по надзору за постройкой. «Важные люди... и толпа народа окружала груды леса, кирпичача и земли. Архиерей, губернатор, представители городской знати и администрации образовали вместе с пышно разодетыми дамами большую яркую группу и смотрели на возню двух каменщиков, приготовлявших кирпичи и известь» [3, с. 269]. Здесь же присутствовали председатель суда, прокурор и голова. После богослужения состоялась закладка здания.

Не только зрелищные мероприятия привлекали внимание горожан, в частности купцов, но и, к примеру, светские салоны, которыми, как правило, руководили образованные, инициативные женщины. В городе такой салон был в доме архитектора Медынского. Хозяйкой салона была его жена, общественница Софья Павловна.

Горький обрисовывает обстановку ее комнаты: «Стены были покрыты картинами, полочками, красивые и яркие вещицы отовсюду лезли в глаза. Красноватый свет лампы тревожное наводил уныние. Сумрак лежал на всем, кое-где

из него тускло блестело золото рам, белые пятна фарфора. Тяжелые материи неподвижно висели на дверях. Все это стесняло, давило Фому, и он чувствовал себя запутавшимся» [3, с. 298–299]. Подавляли не только мебель и богатое убранство квартиры, но и фальшь человеческих отношений в этом доме. В таких салонах, как правило, помимо музицирования и каких-либо настольных игр обсуждались все городские сплетни, завязывались знакомства и флирты. Медынскую «трудно было застать дома одну: около нее всегда, как мухи над куском сахара, кружились раздушенные щеголи. Они говорили с ней по-французски, пели, хохотали» [3, с. 287]. Фома наблюдал, как она бесшумно двигалась по мягким коврам, «кидая ему ласковые взгляды и улыбки, за ней увивались ее поклонники, и все они так ловко, точно змеи, обходили разнообразные столики, стулья, экраны – целый магазин красивых и хрупких вещей, разбросанных по комнате с небрежностью» [3, с. 287]. Хозяйка салона развлекалась, играя чувствами окружающих ее мужчин. Особенно ей нравилось кокетничать с молодым купцом Фомой Гордеевым.

Салонное времяпрепровождение считалось признаком хорошего тона в среде богатого купечества и части городской интеллигенции XIX столетия. Однако в среде «хозяев города» более популярными были другие развлечения. Большинство богатых купцов после сделок на бирже и трудового дня шли в трактиры и рестораны, где бурно веселились, а порой кутили на Волге. Один из многочисленных купеческих кутежей Горький описал в этой повести. Участники его – несколько купцов с публичными женщинами. Действие происходит на Волге, «в семи верстах от города, на лесной пристани купца Званцева» [3, с. 326].

Контрастом по отношению к образу этой праздной компании является образ великой реки-труженицы, разбуженной наступившей весной. В описании Волги у города узнается чисто нижегородский пейзаж: «Далекий горный берег был ласково окутан синеватой дымкой мглы, там блестели, как большие звезды, кресты церквей. У горного берега река была оживлена – сновали пароходы, шум их доносился тяжким эхом сюда, в луга ... Огромные баржи тянулись там одна за другой против течения ... Черный дым тяжелыми порывами лез из труб пароходов и медленно таял в свежем воздухе. Порой гудел свисток... В лугах было тихо, спокойно» [3, с. 327].

Типичные для волжских купцов кутежи устраивались, как правило, по поводу покупки баржи или парохода. Как правило, владелец нового парохода торжественно отмечал его

спуск на воду. По традиции судно освящалось, далее шел молебен, затем – званый обед на пароходе и первая прогулка по Волге. Часто подобные празднества заканчивались ссорами между их участниками, как, например, на пароходе Кононова, где присутствовало около тридцати купцов. Скандал учинил «выломившийся» из общества купцов-пароходовладельцев Фома Гордеев. Однако и он не во всем отличается от купцов: «В дорогих, шикарных ресторанах его окружали какие-то проходимцы, куплетисты, фокусники, актеры, разорившиеся на кутежах помещики... В дешевых трактирах около него вились ястребами парикмахеры, маркеры, какие-то чиновники, певчие; среди этих людей он чувствовал себя лучше, свободнее, – они были менее развратны, проще понимались им, порою они проявляли здоровые, сильные чувства, и всегда в них было больше чего-то человеческого» [3, с. 368]. Подобная публика обитала в соответствующих заведениях всех крупных волжских городов.

Функционировал в городе и купеческий клуб, где денежные воротилы за игрой или выпивкой хвалились своими «романами» и говорили непристойности о женщинах.

Еще в 1896 году Горький писал об изменении психологии купечества: «Ныне психический рост купца поднялся, коллективная сила его возросла, и его стало больше, и сам он стал крупнее. Он чувствует, что «все может» [5, с. 3]. Мораль осознавшего свою силу купечества, его жизненное кредо неоднократно проявляется на протяжении повести в репликах Маякина, в его поучениях, обращенных к Фоме и собственным детям. К поучениям можно отнести и речь во славу купечества, произнесенную Маякиным на новом пароходе Кононова: «Какой лучший город на Волге? В котором купца больше... Чьи лучшие дома в городе? Купеческие! Кто больше всех о бедных печется? Купец!.. Кто храмы воздвиг? Мы! Кто государству больше всех денег дает? Купцы!.. Только нам дорого дело ради самого дела, ради любви нашей к устройству жизни, только мы и любим порядок и жизнь» [3, с. 442].

Итак, в повести «Фома Гордеев» действие происходит в крупном волжском городе, хозяином которого стало к концу XIX века купечество. Все купцы в произведении имеют нижегородские прототипы, о чем нами было уже рассказано в одной из предыдущих публикаций [6, с. 502–510].

Одной из важных составляющих хронотопа Нижнего Новгорода является Волга. Благодаря великой реке-труженице город живет бойкой

трудовой жизнью. Для купцов-пароходовладельцев Волга стала кормилицей и источником прибыли, как, например, для Игната Гордеева. Вся его жизнь была связана с Волгой. И сына своего он учил любить и познавать Волгу, уметь трудиться на великой реке.

В начале повествования, в эпизоде поездки маленького Фомы вниз по Волге с отцом на пароходе «Ермак», Горький дает изображение весенней реки, точно описывая рельеф ее берегов, между которыми «величаво простерлась широкогрудая река; бесшумно, торжественно и неторопливо текут ее воды; горный берег отражается в них черной тенью, а с левой стороны ее украшают золотом и зеленым бархатом песчаные каймы отмелей, широкие луга» [3, с. 203–204]. Повествователь не называет город, в котором живут герои произведения и откуда они отправились вниз по Волге. На пароходе Игнат Гордеев сообщает сыну, что они едут в Астрахань. А на обратном пути, как отметил автор, пароход прибыл в Казань, которая не является конечным пунктом путешествия Гордеевых. Следующий за Казанью крупный город, расположенный вверх по Волге, – это Нижний Новгород. Правый берег Волги за границей Нижнего Новгорода, а точнее, после места слияния Волги с Окой, в верхнем течении реки сразу теряет свою гористость. Значит, судя по данному в повести описанию рельефа волжских берегов, пароход «Ермак» мог отправиться в плавание только из Нижнего Новгорода.

Когда пароход шел по направлению к Астрахани, сын спросил Игната: «Город-от Китеж в воде стоит?» [3, с. 205]. И услышал ответ отца: «В нем одни праведники жили» [3, с. 205]. Видимо, мальчик вспомнил нижегородское предание о невидимом граде Китеже, рассказанное ему, по всей вероятности, теткой Анфисой.

Далее, любознательный Фома расспрашивал отца про то, какие города за морем бывают. Игнат отвечал, что города есть, но земля уже там не наша, а персидская. И тут же Игнат спросил сына: «Видал персияшек, которые вот на ярмарке-то?» [3, с. 206]. Знаменитая ярмарка, дававшая возможность России торговать со всем миром в XIX веке, как известно, ежегодно открывалась в Нижнем Новгороде.

Невозможно не любоваться неповторимыми волжскими пейзажами, данными в разное время суток. Возьмем, к примеру, картину летней ночи: «Вечерняя заря тихо гасла. Казалось, там, на западе, опускается в небо огромный пурпурный занавес, открывая бездонную глубь неба и веселый блеск звезд, играющих в нем. Вдали, в тем-

ной массе города, невидимая рука сеяла огни, а здесь в молчаливом покое стоял лес, черной стеной вздымаясь до неба... Луна еще не вошла, над полем лежал теплый сумрак» [3, с. 396].

Как видим, город показан в повести не только изнутри, но и с дальних точек обзора, со стороны лугов и прибрежного леса, со стороны реки, омывающей его крутой берег. Волжский купеческий город представлен одним из главных своих атрибутов – пристанями, уставленными баржами и пароходами. На одной из пристаней главный герой услышал «веселый, громкий шум труда», наблюдая следующую картину: «У горного берега стояли на якорях две порожние баржи... Палубы барж загромождены лесами из толстых бревен... Толпа мужиков в синих и красных рубахах волокла по палубе большое бревно... Люди на лесах и палубах что-то вязали, рубили, пилили, вбивали гвозди... Ветер разносил над рекой бодрый шум: пила грызла дерево, захлебываясь от злой радости; сухо кряхтели бревна, раненные топорами; болезненно трещали доски... ехидно взвизгивал рубанок. Железный лязг цепей и стонущий скрип блоков сливались с шумом волн, ветер гулко выл и гнал по небу тучи» [3, с. 351]. Такой одухотворенной картины трудового дня, какую нарисовал Горький, где олицетворены все орудия труда, вряд ли можно встретить у другого писателя. Это действительно музыка труда, только издают ее не музыкальные инструменты. И услышать в тяжелой, порой монотонной работе музыку способен далеко не каждый.

«Шум труда» раздавался и на набережной, к которой примыкала пристань: «Всюду несли и везли разные вещи и товары; люди... наполняли улицу бестолковой суетой и оглушающим шумом торопливой работы. Они возились на узкой полосе земли, вымощенной камнем, с одной стороны застроенной высокими домами, а с другой – обрезанной крутым обрывом к реке» [3, с. 420].

Тема труда, заявленная молодым Горьким в самых первых его произведениях, в «Фоме Гордееве» становится одной из ведущих. Участники трудового процесса бодр и веселы, трудятся с азартом, ритмично. Мужики непременно в ярких рубашках (в большинстве случаев в красных). Причем автор описывает вдохновенную работу не отдельно взятого человека, а труд коллектива, рабочей артели.

Эпизоды работы артели мужиков на пароходе, во время движения, чередуются в повести с развернутыми картинами реки, массовыми сценами коллективного труда на пристанях. Из

всех этих взаимосвязанных картин вырисовывается облик трудового волжского города, характер которого раз и навсегда определила Волга.

Образ города и образ Волги связывают воедино все художественное полотно повести. Волга живая, меняющаяся, подвижная, а город – символичен. В данном произведении слово «город» обладает какой-то магической силой, которая незримо управляет всеми событиями, все видит и все контролирует. Город, как и Волга, появляется в самом начале повести. Заканчивается действие ее на одной из городских улиц.

Город является объединяющим началом, к которому все сводится и из которого все исходит. Он наблюдает за жизнью и деятельностью персонажей, сопутствует им всюду, где бы они ни находились. Так, например, в эпизоде отдыха Фомы в компании Ежова, за городом, присутствие городского фона ощущается в следующих словах: «Вдали, в темной массе города, невидимая рука сеяла огни» [3, с. 396]. Всевидящее око ночного города проявилось через слова-символы: «темная масса города» и «огни». В сцене кутежа у Званцева город как символ проявляется через его пространственные константы: «горный берег» и «кресты церквей». Во время кутежа на пароходе Кононова город предстает через «цвет купечества», «хозяев города», против которых поднял бунт Фома. Город проявился и через слово «губернатор» – таким образом повествователь уточнил, что события повести происходят в губернском городе, каким и был Нижний Новгород в XIX веке.

Горький показал в повести «Фома Гордеев» появление новых хозяев города – фабрикантов-буржуа, которые пришли на смену старому патриархальному купечеству. Это высокообразованное поколение предпочитает хмельным кутежам иные удовольствия: «театр, книги, музыку» [3, с. 410]. Недаром рвущийся к политической власти Маякин возмущается, что купца в театре «диким дураком» выставляют. В перечне пьес, ставящихся на сцене городского театра, он упоминает две исторические пьесы из тогдашнего репертуара Нижегородского драмтеатра: «Жизнь за царя» и «Чародейка».

Тот факт, что действие повести происходит в Нижнем Новгороде, подтверждает еще одна деталь. В праздничном наряде Любови Маякиной Горький отметил «огромные изумруды – фамильную драгоценность князей Грузинских, оставшуюся у Маякина в закладе вместе со множеством других редких вещей» [3, с. 405]. Князья Грузинские, как указано в словаре Брокгауза и Ефрона [7, с. 158], потомки царя Грузии

Баккара Вахтанговича, выехавшего в Россию в 1724 году. Потомство его внесено в V часть родословной книги Московской и Нижегородской губерний. Память о князьях Грузинских сохранилась в названии одной из старинных улиц Нижнего Новгорода, в районе которой в XVII веке стояло их имение, как указано в «Нижегородском топонимическом словаре» [8, с. 30].

В повести звучит и авторское признание в любви к городу, который дорог ему не только своей красотой, но и тем, что располагает к труду: «А мне нравится наш старый, славный город... Такой он красивый, бойкий... есть в нем что-то бодрое, располагающее к труду... сама его картинность возбуждает как-то... В нем хочется жить широкой жизнью... хочется работать много и серьезно... И притом – интеллигентный город» [3, с. 409]. В этой цитате дважды подчеркнута красота родного города писателя: эпитетом «красивый» и эмоционально окрашенным существительным «картинность».

Может показаться странным, что это признание звучит из уст молодого фабриканта Смолина, но это лишь на первый взгляд. Молодой Горький горячо верил в силу разума новых организаторов производства, внедряющих в него достижения технического прогресса, которые должны облегчить изнурительный труд рабочих и сделать его радостным.

Итак, в «Фоме Гордееве» в облике безымянного волжского города воссоздан образ Нижнего Новгорода конца XIX века. Город предстал красотой крутых откосов над великой рекой и заволжскими далями лугов и лесов, крепкими купеческими домами, утопающими в

садах, шумными пристанями, заставленными баржами и пароходами, и колокольным звоном множества церквей. Звуковой образ, дополняя зрительный, как нельзя лучше выражает характер бойкого купеческого города.

Пройдет год, и вместо города, располагающего к труду, Нижний Новгород предстанет перед писателем в ином обличье. Радужные надежды Горького на силу разума новых представителей капитала окажутся иллюзией.

Список литературы

1. Горький М. Беседы о ремесле // Горький М. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 25. М.: Художественная литература, 1953. 600 с.
2. Горький М. О том, как я учился писать // Горький М. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 24. М.: Художественная литература, 1953. 600 с.
3. Горький М. Фома Гордеев // Горький М. Собрание сочинений в 25 томах. Т. 4. М.: Наука, 1969. 638 с.
4. Гачев Г. Образ в творчестве Горького // Образ в русской художественной литературе. М.: Искусство, 1981. С. 186–212.
5. Пешков А. С Всероссийской выставки // Одесские новости. 1896. 11 августа.
6. Толмачева Н.Ю. Нижегородские прототипы в повести М. Горького «Фома Гордеев» // Максим Горький и литературные искания XX столетия. Материалы Международной конференции. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2004. С. 502–510.
7. Нижегородский край в словаре Брокгауза и Ефрона / Под ред. В.В. Ниякого. Нижний Новгород: Нижегородская ярмарка, 2000. 607 с.
8. Морохин Н.В. Нижегородский топонимический словарь. Нижний Новгород: Нижегородский печатник, 1997. 216 с.

THE IMAGE OF THE CITY IN GORKY'S STORY «FOMA GORDEEV»

N.Yu. Tolmacheva

The problem of reflection of the writer's native city image in his first early story is discussed. Some components of the chronotop of Nizhni Novgorod are considered; the art space of the city and the means used by the author to create the image of the city are analysed.